

Владимир Губарев

ПРАВДА О ЧЕРНОБЫЛЕ

Академик
Легасов завещал
свои записи автору
книги, зная, что они
будут обязательно
опубликованы.
Так и случилось.

Свидетельства живых и мёртвых

ПРАВДА О ЧЕРНОБЫЛЕ

Свидетельства живых и мёртвых

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
МОСКВА
2019

26 АПРЕЛЯ

1
9
8
6

Здесь только документы, воспоминания,

анализ и все, что я увидел в Чернобыле
и вокруг него,
когда оказался **ТАМ.**

Всего семь секунд прошло от нажатия кнопки аварийной защиты до глобальных разрушений. В истории человеческой цивилизации это была, пожалуй, самая стремительная техногенная катастрофа.

1

ЧАСТЬ

ЗАРЕВО НАД ПРИПЯТЬЮ

А потом понятие «Чернобыль» расширялось, становилось зримей и весомей, потому что, оказывается, оно навсегда ворвалось в жизнь каждого, кто побывал там, и остальных, которые подчас не хотят или не могут заметить, что Чернобыль изменил и их судьбу.

Чернобыль. Первые минуты и часы аварии

«Я, Шаврей Иван Михайлович, родился 3 января 1956 года, белорус. Работаю в пожарной части ВПЧ-2 по охране Чернобыльской АЭС с 19 сентября 1981 года на должности пожарного. Во время аварии на ЧАЭС совместно с караулом нес службу в расположении части. Во время взрыва находился возле диспетчерской на посту дневального. В то время рядом были подменный диспетчер С. Н. Легун и заступивший на пост дневального Н. Л. Ничипоренко. Стояли втроем, разговаривали, как вдруг послышался слабый выброс пара. Мы этому не придали никакого значения, потому что выбросы пара происходили неоднократно за мое время работы в ВПЧ-2. Я собирался уходить отдыхать, как через некоторое время сработала сигнализация. Мы бросились к щиту, а Легун попробовал связаться с ЦЩУ,

но никакой связи не было. И в это время произошел взрыв. Я бросился к окну. За взрывом последовали мгновенно новые взрывы, я увидел огненный шар, который взвился над крышей машинного зала отделения четвертой очереди.

По тревоге мы выехали на загорание. По прибытии к месту происшествия машины и личный состав караула заняли свои боевые посты, потом через некоторое время наше отделение вызвали на помощь прибывшей на пожар СВПЧ-6. Они установили свои машины по ряду «Б». Я и А. Петровский поднялись на крышу машинного зала, на пути встретили ребят с СВПЧ-6 – они были в плохом состоянии. Мы помогли им добраться к механической лестнице, а сами отправились к очагу загорания, где и были до конца, пока не затушили огонь на крыше. После выполнения задания мы спустились вниз, где нас подобрала скорая помощь. Мы также были в плохом состоянии».

Иван Шаврей эту «Объяснительную записку» писал в Москве, в клинике № 6, куда были доставлены из Чернобыля пожарные, наиболее сильно пострадавшие во время аварии.

«26 апреля 1986 г. я, Прищепа Владимир Александрович,

находился на дежурстве в ВПЧ-2 по охране ЧАЭС. Дневное дежурство нашего 3-го караула прошло без происшествий. В ночное время я должен был стоять дневальным. После просмотра телепередач я лег отдыхать. Ночью я услышал взрыв, но не придал этому значения. Затем, через 1–2 минуты прозвучала боевая тревога. Я быстро оделся и сел в автомобиль. Увидел пламя на АЭС возле вентиляционной трубы и на кровле помещений ГПЦ. В наш автомобиль сел начальник караула лейтенант В. П. Правик. Он по радиостанции передал в СВПЧ-6 вызов № 3, по которому все машины Киевской области должны следовать на ЧАЭС для тушения пожара. По прибытии на АЭС второе отделение поставило автонасос на гидрант и подсоединило рукава для сухотруб. Лейтенант В. П. Правик по транспортному коридору побежал в машинный зал. Мы приехали в ряд «А», машину поставили на пожарный гидрант, проложили магистральную линию к сухотрубам, которые вели на крышу машинного зала. Я по пожарной лестнице полез туда. Когда я вышел на крышу, то увидел, что перекрытия нарушены, некоторые упали. Ближе к постоянному торцу на 4-м энергоблоке я увидел очаг загорания крыши. Он был небольшой. Я хотел к нему подойти, чтобы потушить, но перекрытия шатались. Я возвратился и пошел вдоль стенки по пожарному водопроводу, подошел к очагу и засыпал его песком, так как рукавную линию проложить не было возможности. Затем я возвратился и на пожарной лестнице увидел майора Телятникова Леонида Петровича. Я ему доложил обстановку. Он приказал: «Выставьте боевой пост и

дежурьте на крыше машинного зала». Мы выставили боевой пост и с И. М. Шавреем дежурили до утра. Утром нас начало тошнить, появилась рвота. Возле столовой нам дали по две таблетки и отправили на второй этаж санпропускника. Мы помылись, но рвота не прекращалась. Я пошел в медсанчасть, мне дали таблетку и отправили в городскую поликлинику. Затем, на другой день, 27.04.1986 г., нас увезли в Москву в клинику № 6».

Владимир Прищепа писал о первых минутах аварии через две недели. Шестерых пожарных, которые вступили в схватку с огнем и победили его, уже не было в живых. А майор Леонид Телятников был в тяжелом состоянии.

«В 01 ч. 45 мин. прибыл на территорию АЭС со стороны КППЧ-2. Увидел разрушения аппаратного отделения 4-го энергоблока и горение на покрытии аппаратного отделения 3-го энергоблока. Горение было во многих местах и на различных отметках от 12,5 до 71,5 метра. Наиболее интенсивно – на покрытии центрального зала 3-го энергоблока. Высота пламени достигла 1,5–2 метров».

1-й и 2-й энергоблоки Чернобыльской АЭС расположены в отдельных корпусах, 3-й и 4-й – рядом, их разделяет вентиляционная шахта. Но машинный зал всех четырех блоков общий, а значит, огонь по крыше мог переброситься не только на 3-й блок, но и на остальные. Майор Телятников принял единственно верное решение: в первую очередь ликвидировать очаги возгорания на крыше машинного зала.

«...Через машзал я побежал к начальнику смены станции. По пути установил, что здесь горения нет. Вместе с А. С. Дятловым осмотрели 4-й блок. Через выбитые панели хорошо просматривались кабельные помещения, пожара там не было. Из центрального зала хорошо просматривалось не то зарево, не то свечение. Но там, кроме «пятак» реактора, ничего нет, гореть нечему. Позвонил на ПСЧ ВПЧ-2, доложил обстановку для передачи в Киев...».

Эта информация майора Телятникова показалась... невероятной, мол, такого не может быть!

«Пошел в аппаратное отделение через транспортный коридор 4-го блока. Там сплошным потоком шла вода, пройти не было возможности. В это время с покрытия спустился лейтенант В. П. Правик, доложил обстановку. С ним еще семь человек, им было плохо, всех тошнило. Ехала скорая помощь, я ее остановил и отправил всех в поликлинику. Поднялся на покрытие, там никого не было. Было около 3 часов. Связался с директором. Доложил ему обстановку о пожаре, попросил направить дозслужбу. Но у директора дозиметров под рукой не было, он разрешил мне взять любого, кого найду на АЭС. Директор попросил откачивать воду, которая заливает 3-й энергоблок. Поставили одно отделение для откачки воды. Сам побежал искать дозиметристов. Нашел одного на 1-м энергоблоке. Внутри обстановку полностью не знали, а на покрытиях пожар был потушен. Это было в 03 ч. 30 мин. Мы объехали боевые участки, был создан штаб пожаротушения. Об этом мы доложили директору».

Да, «малый» пожар был ликвидирован. И что греха таить, некоторых это успокоило. Они не подозревали, что там, внутри здания 4-го блока, разгорается иной «пожар» – ядерный...

Мы долго не можем начать разговор. Несколько минут назад пришло сообщение, что умер Лелеченко. Ожоги и облучение сделали свое дело. Лелеченко был их другом...

Владимир Лыскин и Николай Олещук – мастера электроцеха Чернобыльской АЭС. В день аварии они, находясь у самого реактора, который сквозь щели излучал смертельные дозы радиации, вместе с товарищами восстанавливали повреждения на силовом оборудовании. – Мы не думали о том, что это опасно, – говорит Олещук. – Надо было подать энергию, без которой масштабы аварии могли бы сразу расширяться.

У Лыскина на АЭС работает сын Евгений, здесь на насосной станции трудится супруга.

– Как это началось?

Олещук и Лыскин долго молчат, и мы понимаем их – трудно вспоминать ту ночь. Однако надо вспомнить все – до мельчайших подробностей, чтобы люди знали, как вели себя те, кто начал сражение в Чернобыле. И они рассказывают не о себе, а обо всех – они были лишь частью большой группы людей, которые работали в ту ночь на станции или в первые часы аварии прибыли сюда.

– Мне позвонили сразу же, – говорит Николай, – приказ был краток: «Поднимай людей!». Из семнадцати человек дома оказалось семеро. Остальные отдыхали: все-таки суббота, у нас места великолепные –

рыбалка отменная... Вот они и уехали. Понял, что ситуация сложная, когда увидел машины скорой помощи, которые шли на станцию... Ну а когда добрался на свой 4-й блок, стало ясно, насколько тяжела авария.

– Вывалился графит, лежит на полу – фон очень большой, – добавляет Владимир.

– Но забывали об опасности, потому надо было проверить трансформаторы... Потом начало затапливать кабельные каналы.

– А Лелеченко и о безопасности людей думал. Обо всех, кроме себя.

Надо было перекрыть задвижки подачи водорода. Никого не пустил, а сам пошел. Это подвиг... Он думал о своих ребятах. Александр Григорьевич очень любил работать с молодыми, брал их в цех, учил. И все его очень любили – он был настоящим наставником. Так вот, Лелеченко внимательно следил, чтобы никто из его ребят не получил опасной дозы. Он буквально выгонял их из цеха, а сам не уходил... А потом уже, еле держась на ногах, но заметив наше состояние – по лицам, наверное – вдруг начал рассказывать анекдоты.

– Ощущение необычное – ничего не чувствуешь. Тебе ни холодно, ни жарко... Но когда включили трансформатор, стало сразу же легче на душе – ведь удалось подать питание на аварийный блок.

– Те, кто были на станции, не уходили. Каждый понимал свою задачу. Кстати, люди, далекие от атомной энергетики, вели себя гораздо хуже – боялись...

– Припять – город молодой, жизнерадостный. На этой станции многие с первого блока. Раньше я работал на Курской АЭС, – говорит Олещук. – Переехал сюда, тут прекрасный коллектив сложился, и вдруг такая беда. До сих пор не верится, что такое произошло.

– Некоторые были в отпусках, но, узнав об аварии, сразу же вернулись.

– Мастер Архипов отдыхал неподалеку, в Полесском районе. Сразу же на своей машине помчался в Припять. Его остановила милиция – тогда уже первые посты были выставлены. Он бросил машину и пошел пешком. А это тридцать километров. Попал на зараженный участок, облучился.

Другой на его месте бросился бы бежать, а Архипов пришел на станцию.

– Те, кто работают в атомной энергетике, преданы ей беспредельно.

Я настолько влюблен в город, в нашу АЭС, в эту работу, что не могу представить свою дальнейшую жизнь без нее.

– Все готовы работать! И в первую очередь те, кто пережил эту страшную ночь...

... надо вспомнить все —

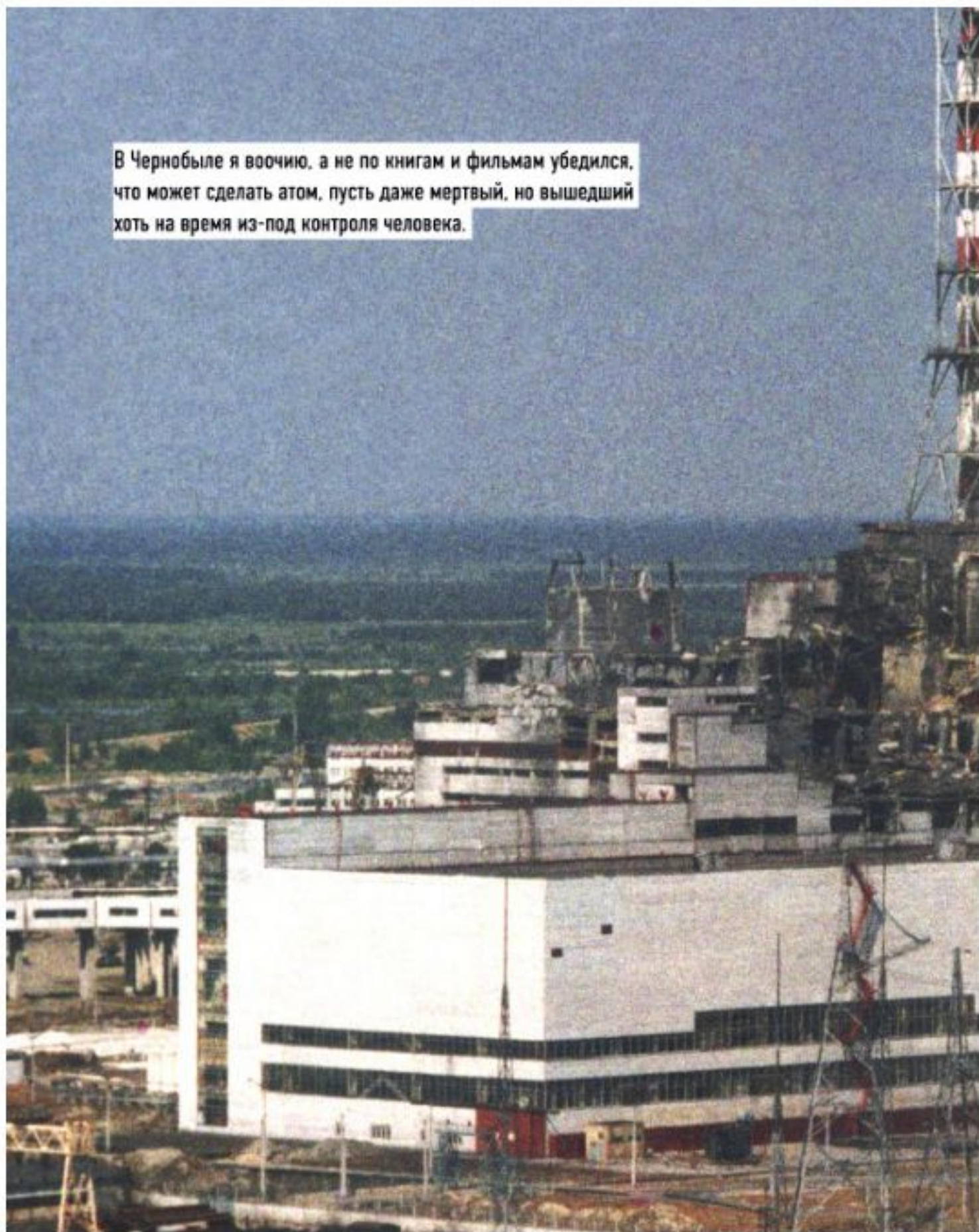
до мельчайших
подробностей,
чтобы люди
знали, как вели
себя те, кто
начал сражение
в Чернобыле. И они
рассказывают
не о себе, а обо
всех — они были
лишь частью
большой группы
людей, которые
работали в ту ночь
на станции или
в первые часы
аварии прибыли
сюда.

1-й и 2-й энергоблоки
Чернобыльской
АЭС расположены
в отдельных корпусах,
3-й и 4-й – рядом,
их разделяет
вентиляционная шахта.
Но машинный зал
всех четырех блоков
общий, а значит,
огонь по крыше мог
переброситься не
только на 3-й блок,
но и на остальные.
Майор Телятников
принял единственно
верное решение:
в первую очередь
ликвидировать очаги
возгорания на крыше
машинного зала.

В Чернобыле я воочию, а не по книгам и фильмам убедился,
что может сделать атом, пусть даже мертвый, но вышедший
хоть на время из-под контроля человека.

Сценарий «Пожар на Атомной»

В декабре 1985 года состоялась премьера фильма «Корабль пришельцев». Лента рассказывала об одном из эпизодов создания «Востока». События происходили за 110 дней до старта Юрия Гагарина. Корабль-спутник не вышел на околоземную орбиту и упал в районе Подкаменной Тунгуски. Академик С. П. Королев организовал специальную экспедицию, которая должна была в кратчайшие сроки найти «шарик» и доставить его в Москву. Стояла полярная ночь, температура опускалась до -40°C , да и к тому же был глубокий снег. Фильм о тех, кто выполнял задание Королева.

После премьеры мы долго обсуждали с Сергеем Никоненко, режиссером «Корабля пришельцев», будущую совместную работу.

– Век научно-технического прогресса, иное мышление, более глубокий взгляд на человека, изменение его психологии, – размышлял Сергей. – Как это показать на экране?

– Думаю, нужна экстремальная ситуация. И герои, которые в обычной жизни кажутся всем рядовыми людьми, не способными на самопожертвование, на подвиг, становятся совсем другими, когда случается Нечто...

– Война в наше время?

– Да, ситуация, в которой проявляется самое сокровенное в человеке, такие черты характера, о существовании которых он и сам не подозревает.

– Сюжетов таких много: наводнения, пожары, преступления, в общем, достаточно, – заметил Сергей.

– «Пожар на Атомной». Неплохое название? – спросил я.

– Но говорят – такое невозможно?

– В принципе, конечно. Однако мы можем сделать фильм-предупреждение, – убеждал я. – К примеру, на одну из северных станций, которая выработала свой ресурс, приезжает специалист по безопасности АЭС, назовем его «академик Трубецкой». Приезжает он, конечно, инкогнито. С ним группа сотрудников, и они моделируют аварию на атомной станции. Цель: проверка готовности персонала к такой работе и одновременно выработка каких-то рекомендаций для будущих АЭС, которых строится в стране множество. И в этой критической ситуации, созданной искусственно, люди проявляют себя – ведь они не подозревают, что идет эксперимент.

– В сюжете что-то есть, – улыбается Никоненко. – Попробуем?

Сценарий фильма «Пожар на Атомной» я должен был сдать на студию имени Горького 15 мая 1986 года. Так значилось в договоре.

930.2
ББК 63.3(2)63
Г93

Губарев Владимир.

Правда о Чернобыле. Свидетельства живых и мертвых / Владимир Губарев. – Москва: ИД «Комсомольская правда», 2019. – 400 с.

Автор книги Владимир Губарев в первые дни катастрофы оказался в ее эпицентре и стал свидетелем, как пожарные и операторы, рабочие и солдаты, ученые и офицеры, академики и генералы пытались укротить атомное облако Чернобыля. О героизме простых людей и трусости начальников, отчаянной смелости ликвидаторов и предательстве тех, кто у власти, – обо всем автор рассказывает честно и открыто. Почему Михаил Горбачев и его ближайшие соратники пытались скрыть масштабы катастрофы, отрицали очевидное, не верили в происходящее? Почему почти три недели президент страны молчал? На эти вопросы отвечает автор книги, который встречался с Горбачевым и рассказывал ему о трагедии.

Владимир Губарев был знаком с учеными и специалистами, которые принимали активное участие в ликвидации аварии. Он был близок с академиком Валерием Легасовым, именно ему ученый завещал свои «Записки». Автор рассказывает о причинах, которые привели академика Легасова к самоубийству. «Правда о Чернобыле» – уникальная книга. Только убойные факты и шокирующая правда, без домыслов и фантазий. Информация из первых уст от крупнейших специалистов-ядерщиков России, Украины и Белоруссии, которые принимали участие в ликвидации последствий катастрофы. Чернобыль изменил весь мир и каждого из нас. Мы имеем право знать правду.

© Губарев В., текст, 2019

© Оформление обложки, АО «Издательский дом «Комсомольская правда», 2019

В оформлении книги использованы иллюстрации:

Shutterstock, Global Look Press, Getty Images, Владимир Веленгурин, Олег Рукавицын, Олег Чирков, РИА Новости: Василий Литов, Юрий Инякин, Игорь Костин, Виталий Аньков, Юрий Сомов, В. Чистяков, Борис Приходько, ТАСС: Валерий Зуфаров, Владимир Репик, Олег Иванов, Игорь Зотин, Виктор Великжанин, Николай Малышев, Александр Яковлев, Александр Малаховский, Юрий Лизунов, Александр Бормотов, Виктор Будан, Сергей Метелица, Антон Маликов.

ISBN 978-5-4470-0364-7

Издание для досуга
Владимир Губарев
Правда о Чернобыле

Руководитель проекта: Наталья Щербаненко

Дизайн-макет: Ольга Гриценко

Бильд-редактор: Олег Чирков

Корректор: Елена Кунина

АО «ИД «Комсомольская правда»

127287, Россия, Москва, Старый Петровско-Разумовский проезд, д. 1/23, стр. 1, www.kp.ru

Подписано в печать 02.08.2019. Формат 80х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,03. Тираж 4000 экз. Заказ 5566/19

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Россия, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-4470-0364-7

ЕАС

16+

ДУМАЕТЕ, ВСЁ ПОЗАДИ?

ВОВСЕ НЕТ, УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ ИДЁТ ВВЕРХ!

«Не только ликвидаторы, все мы, кто прошёл Чернобыль, кажется, знаем о жизни больше, чем все остальные», — полагает автор и предлагает свой взгляд на Припятскую ночь 26 апреля, которая потрясла мир.

ВЛАДИМИР ГУБАРЕВ — знаменитый научный журналист, свидетель трагедии на Чернобыльской АЭС в 1986 году. Его материалы о серии взрывов были опубликованы в газетах всего мира, а пьеса «Саркофаг» поставлена в крупнейших театрах 60-ти стран. Через неделю после аварии Губарев написал подробную «Записку» о причинах аварии и реальном

положении дел в Чернобыле и направил ее Горбачёву. Документ был немедленно засекречен. «Записка», единственное свидетельство о первых днях катастрофы, была рассекречена лишь после распада Советского Союза. «Правда о Чернобыле» — уникальная книга. Только убойные факты и шокирующая правда без домыслов и фантазий. Информация из первых уст от крупнейших специалистов-ядерщиков России, Украины и Белоруссии, которые принимали участие в ликвидации катастрофы. Большое внимание уделено «Международному Чернобыльскому проекту», в котором чётно определены причины аварии и оценены действия специалистов по её ликвидации.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
**КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

ISBN 978-5-4470-0364-7

